

С.Л. Чариков

О СИНКРЕТИЗМЕ ОСНОВ НЕКОТОРЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ
В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

В монгольских, как и во всех алтайских языках, выделяются словоформы, которые, оставаясь неизменными по форме, могут выполнять функции имен существительных, прилагательных и наречий. Подобные формы получали наименование "качественных имен", "имен качества", "имен с нерасчлененной семантикой"¹.

Сам факт возникновения некоторых типов этих словоформ, например, синкретических форм существительное/прилагательное, объясняется первоначальным единством двух грамматических категорий². Отсюда же делался вывод об архаичности рассматриваемых форм, а применительно к монгольским языкам, — даже о слабой морфологической дифференциации существительных, прилагательных и наречий. Этот вывод достаточно легко опровергается данными У.-Ж.Ш. Дондукова, который зафиксировал более 130 суффиксов имен существительных, около 90 суффиксов имен прилагательных и около 20 наречных суффиксов, не считая омертвелых формантов³.

Вывод об архаичности синкретических форм можно принять лишь в отношении некоторых групп непроеводных словоформ, но никак не в отношении производных (и, тем более, заимствованных) словоформ, которые обладают тем же свойством выступать в функции различных частей речи.

Мы рассмотрим различные группы синкретических форм и попытаемся выявить причины этого явления. Материалом для анализа служит около пятисот синкретических форм, зафиксированных в словаре К.М. Черемисова⁴.

В количественном отношении наиболее обширными группами являются синкретические формы типа существительное/прилагательное и прилагательное/наречие. При этом в производных формах количество слов в этих двух группах примерно одинаково, в то время как среди непроеводных форм тип существительное/прила-

гательное в три раза более многочислен, чем тип прилагательное/наречие.

I. Существительное/прилагательное. Внутри этой группы выявляются следующие подгруппы:

I. Словоформы, обозначающие материал или какой-либо предмет и характеризующие предмет по данному материалу: алтан 'золото/золотой'; бур 'глина/глиняный'; гуули(н) 'бронза/бронзовый'; лаг 'ил/илистый'; модон 'дерево/деревянный'; молор 'хрусталь/хрустальный'; еэжэн 'жир, сало/жирный, сальный'; саһан 'снег/снежный'; зэмбэ 'сукно/суконный'; хуба 'янтарь/янтарный'; ху-ья(н) 'береза/березовый'; шаажан 'фарфор/фарфоровый'; эшэгн 'войлок/войлочный'.

Возможно возникновение форм, обозначающих как бы "вторичный" материал: дэээ(н) 'веревка из конского волоса/веревочный'; һур 'ремень/ременный, кожаный'.

К этой же подгруппе можно отнести и словоформы, именующие животных и характеризующие изделия из их меха: халхун 'выдра' и халхун малгай 'выдровая шапка', т.е. 'шапка из меха выдры'; шоно 'волк' и шоно даха 'волчья доха'; ямаан 'коза' и ямаан тулам 'мешок из шкуры козы'. Но в ряде подобных примеров значение материала может и не проявляться: бургэд 'орел' и бургэд дали 'орлиные крылья'; удэ(н) 'перо (птицы)/оперенный'; хонин 'овца' и хонин һурэг 'овечье стадо'.

Синкретические формы первой подгруппы можно рассматривать как наиболее архаичные, но отнюдь не как реликты древнего состояния языка, поскольку число этих форм пополняется вполне современными заимствованиями, такими, как бетон 'бетон/бетонный'; бообор 'бобер/бобровый'; сатин 'сатин/сатиновый'; ситец 'ситец/ситцевый' и т.д.

Эта подгруппа синкретических форм обладает двумя особенностями: во-первых, ведущим значением здесь следует признать значение существительного (поскольку материал первичен, а изделие из него вторично), в то время как значение прилагательного возникает в результате метонимии; во-вторых, эта подгруппа, в отличие от других, не имеет аналогов среди производных словоформ.

2. Вторую подгруппу образуют словоформы, определяющие или характеризующие предмет по какому-либо качеству или признаку и одновременно обозначающие предмет этим качеством и через это

качество или признак. Во многих случаях эти словоформы обозначают и характеризуют человека: аяа 'резвый, озорной/шалун, озорник'; бага 'маленький/малыш, дитя'; барьан 'бедный/бедняк'; буха 'крепкий, плотный/силач, борец'; гигант 'гигант/гигантский'; жуулг 'жулик/жульнический'; зунар 'лживый/лицемер'; хойрог 'бюрократический/бюрократ'; хөөрүү 'разговорчивый/болтун'; хүгшэ(н) 'старый/старик'.

Возможно также возникновение двух значений существительных, из которых одно служит обозначением человека, а другое представляет собой отвлеченное понятие: бардам 'чванливый/гордец/чванство'; залхуу 'ленивый/лентяй/лень'; сэсэн 'мудрый/мудрец/мудрость'; тэнэг 'глупый/глупец/глупость'.

В отличие от первой подгруппы, во второй имеется большое количество производных синкретических форм того же типа, т.е. обозначающих и характеризующих человека: амархуу 'речистый/пустозвон'; билдууша 'лживый/лжец'; гангинуур 'визгливый/визгун'; годигонуур 'вертлявый/егоза'; гоёмсог 'нарядный, модный/модник, франт'; дайшалагша 'воинствующий/завоеватель'; дууша 'певец/певчий'; еруул 'пришлый/пришелец'; жалбэтэ 'волшебный/чародейка'; зугаатай 'словоохотливый/весельчак'; морхигор 'кургузый/каралуз'; мэдээшэ 'знающий, сведущий/знаток'; орденто 'орденоносный/орденоносец'; табимал 'поставленный/ставленник'; толгойлогшо 'возглавляющий/глава семьи, главарь'; ухаансар 'умный/умница'; үгчтэй 'бедный, нищий/бедняк'; шогшо 'остряк/остроумный'.

К этой же подгруппе относятся и синкретические словоформы, обозначающие конкретные, вещественные реалии и одновременно характеризующие предмет по его существенному признаку: аса 'развилка, вилы/парный, развилыстый'; гүн 'глубина, глубь/глубокий'; гэгээ(н) 'свет/светлый'; заха 'край, кончик/крайний, удаленный'; налзур 'склон/покатый'; намаг 'болото/болотистый'; ногоо(н) 'зелень, трава/зеленый'; орьёл 'острие/острый'; хада 'гора/горный'; хоро(н) 'яд/ядовитый'.

В приведенных выше примерах ведущим значением также можно считать значение существительного, но в отдельных случаях в качестве первичного выступает значение прилагательного: сагаан 'белый/белизна, белок'; шара 'желтый/желток' (ундэгэнэй шара 'яичный желток').

Если непроезженные формы этой подгруппы в большинстве своем

относятся к типу существительное/прилагательное, то производные формы представляют собой в основном тип прилагательное/существительное с ведущим значением прилагательного: бутархай 'разбитый, мелкий/осколки, обломки'; можогор 'круглый, округлый/кусок, комок'; набтархай 'изношенный/ветошь, лохмотья'; сумэрхэй 'дырявый/дыра'; таримал 'поселенный, засеянный/сельскохозяйственная культура'; таьархай 'оторванный, разорванный/обрывок'; хотогор 'наклонный, покатый/склон, покатошь'; шатангир 'обгорелый/ожог'; шудхамал 'литой/сплав'.

Первичность значения прилагательного здесь подтверждается как наличием специальных суффиксов имен прилагательных (-хай, -гар и др.), так и большей степенью обобщенности в значении существительного (наиболее яркий пример - таримал 'засеянный/сельскохозяйственная культура').

Производные формы с ведущим значением существительного встречаются существенно реже: арьяатан 'хищники, дикие звери/хищный'; хонхинуур 'бубенцы/погремушка/гремячий'.

Небольшое количество производных синкретических форм составляют слова с отвлеченным значением, причем и здесь тип прилагательное/существительное количественно преобладает: ау-улгуй 'безопасность/безопасный'; лабгуй 'ненадежный/неуверенность'; бурхангуй 'безбожный/безбожник'; габшатай 'проворный, ловкий/расторопность, ловкость'; гэмгуй 'невинный, невинный/невинность, невинность'.

Примерами типа существительное/прилагательное могут служить следующие синкретические формы: аймшаг 'страх, ужас/страшный, ужасный'; дутамаг 'недостаток, нехватка/недостаточный'; нэмэлгэ 'прибавление, прибавка/прибавочный, добавочный'; уттамжа 'встреча/встречный'.

II. Прилагательное/наречие. Возможность существования синкретических форм этого типа определяется атрибутивным характером этих двух грамматических разрядов слов. Основное отличие форм прилагательное/наречие от форм предыдущей группы состоит в том, что в данной группе отсутствуют слова с предметным значением. Это также связано с функционированием рассматриваемых форм в качестве определений.

Синкретические формы прилагательное/наречие также подразделяются на непроизводные и производные, причем непроизводных форм зафиксировано в полтора - два раза меньше, чем производных.

Ведущее значение в этой группе, по всей видимости, принадлежит имени прилагательному, и лишь в отдельных случаях можно полагать ведущим значение наречия: анха(н) 'сперва, вначале/первоначальный, начальный'; ойро 'близко, вблизи/близкий'; тур 'временно/временный'; шууд 'решительно/решительный'. Этот факт объясняется скорее всего изначальным употреблением подобных форм в функции определения к существительному. Способность служить определением к глаголу, очевидно, возникла позднее.

В качестве примеров непроезводных форм прилагательное/наречие можно привести следующие: аалин 'тихий/тихо', 'медленный/медленно'; бэрхэ 'трудный/трудно'; илдам 'ласковый/ласково'; инаг 'дружеский/дружески'; мохо 'тупой, бездарный/тупо, плохо'; мунхэ 'вечный/вечно'; онсо 'особенный/особенно'; сэбэр 'чистый/чисто'; тодо 'ясный/ясно'; удаан 'медлительный/медленно'; хэрхо 'зоркий/зорко'; али 'ясный/ясно'; эрид 'решительно, категорически/решительный, категорический'. В группе синкретических форм встречаются и заимствования: хургаал 'заочное обучение' и хураха 'учиться заочно'.

Многочисленность производных синкретических форм прилагательное/наречие объясняется тем, что эта группа пополняется, во-первых, формами, производными от других грамматических разрядов слов (глаголов, существительных): айхабтар 'страшный, ужасный/страшно, ужасно' от айха 'бояться'; алдуугуй 'без оплош/безошибочно' от алдуу 'ошибка'; а во-вторых, различными формами субъективной оценки, производными от самих же синкретических форм этого типа: аалин 'тихий/тихо' и аалихан 'тихонький/тихонько'; аалишаг 'сравнительно тихий, сравнительно медленный/потихе, помедленнее'.

Наибольшее количество производных форм образовано с помощью суффиксов -гуй и -тай (та): аниргуй 'беззвучный; бесшумный/беззвучно, бесшумно'; гайхалгуй 'неудивительный/неудивительно'; зайлашагуй 'неизбежный/неизбежно'; найргуй 'неприятный/неприятно'; сусашагуй 'неустанный/неустанно'; туягуй 'бесполезный/бесполезно'; хилэгуй 'безграничный/безгранично'; хуулигуй 'незаконный/незаконно'; шэмээгуй 'бесшумный/бесшумно'; айдуутай 'опасный, страшный, ужасный/опасно, страшно, ужасно'; имагта 'исключительный/исключительно'; найдалтай 'надежный/надежно'; харамтай 'жалкий/жалко'; шиидэбэритэй 'решительный/ре-

шительно'; шударта 'честный, преданный/честно, преданно'; элитэ 'ясный, понятный/ясно, понятно'.

Реже встречаются синкретические словоформы, образованные от различных частей речи с помощью суффиксов -хи, -ма, -да, -жа, -ай (суф. род. п.), -аар, -гай, -нги, -рхай и некоторых других: будахи 'неясный, тусклый, мутный/тускло, мутно' (будэг-бадаг 'сумрак/сумрачный'); гайхама 'удивительный/удивительно' (гай-хал 'удивление'); досоодо 'внутри, внутрь/внутренний' (досоо 'внутренность/внутренний'); ургэлжэде 'постоянно, сплошь/постоянный' (ургэлжэ 'постоянно, всегда'); мэдээжэ 'известный, известно' (мэдээ(н) 'сведения, данные, сводка'); туйлай 'крайний, чрезвычайный/крайне, чрезвычайно' (туйл 'предел, конец'); тусгаар 'особенный, отдельный/особенно, отдельно' (тус 'данный, этот'); хазагай 'кривой/криво, косо, неправильно' (хазайха 'быть кривым'); харкуданги 'нерешительный, робкий/нерешительно, робко' (харкудаха 'теряться, смущаться'); элирхэй 'ясный, явный/ясно, явно' (эли 'ясный, явный').

Еще одной особенностью словоформ данного типа является тенденция к систематическому подкреплению значения наречия суффиксом -аар: мууса 'плохой/плохо' и муусаар 'плохо'⁵. Этот факт также свидетельствует о преобладающем значении прилагательного в формах типа прилагательное/наречие.

Ш. Существительное/наречие. Эта группа синкретических форм весьма малочисленна и, по существу, состоит из нескольких слов, которые с достаточной степенью достоверности можно отнести к разряду синкретических. Это, в первую очередь, слова с пространственным и временным значениями, обозначающие время года, время суток: зун 'лето/летом'; намар 'осень/осенью'; урда 'юг/южный'; убэл 'зима/зимой'; хабар 'весна/весной'; нуни 'ночь/ночью'. Причем, даже не все словоформы с указанной семантикой относятся именно к данному типу синкретических форм. Так, словоформа удэр 'день/днем/дневной' представляет собой уже четвертую группу синкретических форм – существительное/прилагательное/наречие.

Другие словоформы типа существительное/наречие также немногочисленны и могут быть признаны таковыми лишь с существенными оговорками. Некоторые из них приобретают значение наречий только в парных словосочетаниях или в сочетаниях с ограниченным набором других словоформ: агшан 'мгновение, миг, момент'

и агшан зуура 'мгновенно, моментально, мигом, сразу'; зэргэ 'ряд, ряды' и зэргэ жагсаха 'стоять рядом'; зэргэ алхаха 'шагать рядом'.

В других случаях синкретизм возникает в результате субстантивации наречия: олон 'много' (нар.) и олон 'множество, масса, массы' (сущ.); сохом 'действительно, несомненно, конечно' и сохом 'достоверность, правда'; зоркута 'намеренно, нарочно, с целью, умышленно, специально' и зоркута 'нарочный'.

Третий путь возникновения подобных синкретических форм — развитие переносного значения: зэлэ 'волосая веревка для привязывания телят, жеребят' и зэлэ татаха 'растягиваться вереницей', зэлэ татан 'гуськом'; ури(н) 'теплый воздух, теплота, оттепель' и урин 'ласковый, нежный, любезный, приветливый'.

Немногочисленность этой группы объясняется отсутствием непосредственной связи между значениями существительного и наречия, подобных тем общим основам, которые были выявлены для групп существительное/прилагательное (общность происхождения) и прилагательное/наречие (общность функционирования).

IV. Существительное/прилагательное/наречие. Эта группа синкретических форм в несколько раз многочисленнее предыдущей, хотя и существенно меньше первых двух. Относительная многочисленность по сравнению с третьей группой объясняется тем, что значение прилагательного является как бы связующим звеном между значениями существительного и наречия.

Внутри этой группы синкретические словоформы также неоднородны. В ней выделяются некоторые словоформы, значения которых вытекают с наибольшей последовательностью и отчетливостью. Таких форм в общем оказывается немного: амар 'спокойный/спокойно/спокойствие, покой'; буруу 'неправильный/неправильно/ошибка, заблуждение'; бугшэмэ 'душный (о воздухе), спертый/духота/душн'; гайхамшаг 'удивительный/удивительно/удивление'; дэмы 'зря, попусту, напрасно/пустой, никчемный, вздорный/абсурд, челуха, вздор'; мэргэ(н) 'меткий стрелок/способный, разумный, мудрый/метко, ловко'; нобшо 'ветошь, хлам/неряшливый, неопрятный/неряшливо, неопрятно'; халуу(н) 'жара/жаркий/жарко'; харанхы 'темнота, тьма/темный, мрачный/темно'. Вместе с тем даже и в этих формах можно полагать ведущим одно из трех значений, что, очевидно, и отражено составителем словаря в порядке исследования этих значений в русском переводе. К тому же

некоторые из значений часто подкрепляются соответствующими формантами: баруугаар 'неправильно, ошибочно, неверно'; давидда 'зря, попусту, напрасно'. В некоторых случаях можно признать ведущим значение прилагательное/наречие, в то время как значение существительного возникает в результате субстантивации словоформ указанного типа: зуб 'правильный, верный, справедливый/правильно, верно справедливо' и 'право, правильность, правдивость'; лаб 'верно, точно, достоверно/достоверный, надежный' и 'достоверность, точность'; муу 'плохой/плохо, дурно' и 'нечто плохое'; холо 'далекий, дальний/далеко' и 'даль'; и т.п. Иногда одно из значений возникает как переносное от двух первоначальных прямых значений: атар 'целина, непаханая земля/целинный, нетронутый' и 'в достатке, в изобилии (жить)'; бузар 'грязь/грязный' и 'ужасно, отвратительно, чересчур, весьма'; бутуу 'закрытый, глухой/скрытно, незаметно' и 'пробой' (шэбхэн бутуу 'пробой для засова; вешалка для одежды'). Иногда результатом переносного употребления оказываются два значения из трех: хатуу 'твердый, жесткий, крепкий, прочный' и переносные: 1) 'твердо, непоколебимо, неизменно, решительно; 2) 'твердость, мозоль, крепость (о вине)'; хии 'воздух' и редкоупотребительное переносное значение 'пустота, пустое место', от которого возникают два переносных 1) 'бессодержательный, пустой, напрасный, несбыточный' и 2) 'попусту, зря, напрасно'.

Во всех случаях как при субстантивации, так и при возникновении переносных значений первичные значения более конкретны, а вторичные оказываются результатом абстрагирующей работы мышления и содержат большую степень обобщения.

Упомянувшееся выше такое явление, как возникновение переносных значений или родственное ему явление семантического сдвига, характерно для синкретических форм всех типов как производных, так и непроизводных и заслуживает самостоятельного анализа.

В первую очередь следует выделить формы, вторичное значение которых представляет собой предельно обобщенное понятие усиления, преувеличения 'очень, весьма, чрезвычайно, совершенно' и не имеет ничего общего с семантикой исходной формы. Чаще всего первоначальное грамматическое значение таких форм является значением имени прилагательного: агуу 'великий/очень, весьма'; балай 'темный, непроглядный; невежественный/совсем, очень, осо-

бенно, вовсе; болошогуй 'невозможный, недопустимый/невозможно, недопустимо; чрезвычайно, очень'; гуримгуй 'беспорядочный/весьма, очень'; даашагуй 'невыносимый, тяжелый/чрезвычайно, очень, весьма, много'; зудэг 'позорный, постыдный/совсем, вообще, совершенно'; зудэр 'замечательный, отличный/чрезвычайно, весьма'; ехэ 'большой, крупный/много; очень, сильно, весьма'; зутар 'злостный/злостно; очень, весьма, чрезвычайно'; зэбуусэмэ 'отвратительный/чрезвычайно, весьма'; заяагуй 'обездоленный, несчастливый/очень, весьма'; хабагуй 'не имеющий силы, неспособный/чрезмерно'; хабатай 'обладающий силой, ловкий/очень. Подобные формы с ведущим значением существительного встречаются редко: бидаа, вост. разг. 'беда, неприятность/бедовый/очень, весьма' (< русск. 'беда'), бидаа хуйтэн 'очень холодно'; булай 'гнусность/мерзкий, гнусный/чрезмерно, чересчур, очень'; ьурэг 'стадо, стая, косяк, скопище/чрезвычайно, весьма'.

Границу между группами синкретических форм с переносными значениями и семантическим сдвигом можно провести в ряде случаев лишь условно. Для переносных значений характерна большая удаленность от исходного. Первичным значением в этих формах, как правило, бывает значение существительного: адаг 'конец/последний, худой, плохой'; азарга 'жеребец/большой, могучий, мощный'; ай 'труха/бесчисленный'; аматай 'имеющий рот/говорливый, болтливый'; бури 'плесень/вредный'; гулгэ(н) 'щенок; росток/слишком молодой, недоразвитый, неокрепший, неопытный'; магнай 'лоб, чело/передовой'; тураг 'изюбр/крупный'; тээли 'ось, шпелек (у ножниц, клещей)/средний'; хурьга(н) 'ягненок/нежный'; ьагсагар 'пушистый, кудрявый, развесистый (о дереве)/тщеславный (о человеке)'; ьомо(н) 'пуля, стрела/прямой, честный' и т.д.

При семантическом сдвиге в большинстве случаев ведущим значением оказывается значение существительного, а вторичным — прилагательного: гар 'рука/ручной' (гар буу 'револьвер'); дабхар 'слой, ряд, этаж/двойной, многорядный'; ёнхор 'впадина, емкость/емкий, вместительный'; зэбуу(н) 'отвращение, омерзение/чопорный, надменный, гордый'; нахид 'седловина (впадина между гор)/наклонный'; ноохой 'рухлядь, ветошь/беспорядочный, хаотичный'; самсаал 'грань, призма/острый'; тарлай 'полоска/пестрый, крапчатый'; ьони(н) 'новость, весть/интересный'; шурэб 'шурул,

винт/витой'. Существенно реже, но все же встречаются синкретические формы с ведущим значением прилагательного, от которых в результате семантического сдвига возникает наречие: алмай 'беспечный/непутево, несуразно, бестолково'; миин 'простой, обыкновенный/просто так, зря, попусту, напрасно'; обор 'плохой, неказистый/так себе, неважно' и т.д.

Интересно отметить, что подобного рода семантические сдвиги часто происходят при переходе словоформы из одного грамматического разряда слов в другой путем суффиксального словообразования.

Анализ рассмотренного выше материала позволяет сделать следующие выводы:

1. Синкретические формы современного бурятского языка вторичны и не являются именно теми синкретическими формами, которые существовали на самом начальном этапе формирования языка. Вместе с тем само явление синкретизма типологически повторяет первоначальное, оно воспроизводилось и продолжает воспроизводиться в современном языке, о чем свидетельствует как наличие производных синкретических форм, так и возникновение подобных форм от поздних заимствований.

2. Синкретизм тесно связан с семантикой слов, и, в зависимости от семантики, в подавляющем большинстве случаев конкретная синкретическая форма тяготеет к одному из грамматических разрядов слов: существительному, прилагательному или наречию.

3. Явление синкретизма следует рассматривать как самостоятельное лексико-грамматическое явление, служащее целям словообразования, наряду с суффиксацией. Подтверждением этому служит как сам факт перехода словоформы из одного грамматического разряда в другой, так и возникновение такого явления, как семантический сдвиг, что происходит и при суффиксальном словообразовании.

4. В количественном отношении наблюдается уменьшение числа синкретических форм по мере увеличения степени абстрагированности, обобщенности в семантике словоформ.

5. Архаичные синкретические формы в результате своей развивающейся полифункциональности (от наименования объекта через характеристику объекта к характеристике действия) способствовали формированию различных грамматических разрядов слов, требуя более отчетливого обозначения конкретной словоформы по ее од-

ной определенной функции. Эта способность к выделению сохранилась и у современных синкретических форм, что проявляется в тенденции подкрепления определенного грамматического значения соответствующим формантом.

¹ Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. - Казань, 1849. - С. 53; Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. - М.-Л., 1960. - Ч. I. - С. 114; Санжеев Г.Д. К проблеме частей речи в алтайских языках//ВЯ. - 1952. - № 6; Авдорин В.А. Грамматика нанайского языка. - М.-Л., 1959. - Т. I. - С. 222.

² См.: Якубинский Л.П. История древнерусского языка. - М., 1953. - С. 210, 211.

³ См.: Дондуков У.-Ж.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. - Улан-Удэ, 1964.

⁴ См.: Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. - М., 1973.

⁵ Чариков С.Л. О некоторых непроемных наречиях в алтайских языках//Лингвистические исследования 1978. Проблемы грамматического строя языков. - М., 1978. - С. 170 - 183.
